

То несомнѣнно, что Богъ можетъ ,благоволить только къ подобнымъ Ему: несомнѣнно и то, что только подобные Ему могутъ Имъ радоваться. Но Богъ есть существо въ высочайшей степени чистое и святое, существо безпредѣльной любви, милосердія и долготерпѣнія, коего правосудіе неизмѣнно, правда ненарушима и премудрость безошибочна. Таковы нравственные атрибуты Божескаго существа и оно требуетъ, чтобы мы подражали ему. Это черты образа Божеской природы, и всѣ добродѣтельные уподобляются имъ, и по этому только сходству дѣлаются пріятными Богу; ибо Онъ любитъ тѣхъ, которые носятъ подобіе Его образа въ душахъ своихъ. Имѣемъ ли мы въ себѣ видимыя черты этого Божественнаго образа? Можемъ ли предстать Ему съ подобіемъ Его святости, благости, милосердія, правосудія, правды и мудрости? Если можемъ, то мы способны наслаждаться Имъ и быть предметами любви Его. По этому можемъ знать и то: готовы ли мы къ смерти и къ блаженству за гробомъ?

Если такимъ образомъ мы добросовѣстно и безпристрастно разберемъ нашу жизнь и поступки, то тотчасъ будемъ въ состояніи рѣшить этотъ важный вопросъ: „каково истинное состояніе души нашей въ отношеніи къ Богу, и въ какомъ „положеніи находимся мы относительно смерти“? А какъ это есть самая важная и послѣдняя степень самопознанія, о которой мнѣ надлежало говорить, то симъ и заключаю первую часть моего трактата.

ТРАКТАТЪ О САМОПОЗНАНІИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Въ ней показывается великое достоинство и преимущества науки самопознанія.

Изложивъ въ предыдущей части трактата нѣкоторыя изъ главныхъ вѣтвей самопознанія и обозначивъ важнѣйшіе предметы знакомства съ самимъ собою, я теперь предлагаю читателю мысли о превосходствѣ и пользѣ этой науки съ соединенными съ нею выгодами, чему посвящаются слѣдующія главы, для возбужденія къ пріобрѣтенію познанія самого себя.

ГЛАВА I.

Самопознание есть источник самообладания.

„Великая польза самопознания состоитъ въ томъ, что оно даетъ человѣку самое вѣрное и самое постоянное обладание самимъ собою.“

Человѣкъ достигшій этого превосходнаго познания спокоенъ и свободенъ:

Во 1-хъ. „При обидахъ и оскорбленіяхъ, ему наносимыхъ, онъ думаетъ такъ: „я долженъ знать себя лучше, нежели другіе. Хотя клеветникъ на этотъ разъ и не въ попадъ меня обвиняетъ и стрѣляетъ на удачу и совѣсть моя даетъ мнѣ утѣшительное удостовѣреніе о невинности моей по предмету обвиненія; однако во мнѣ есть худшіе пороки, въ которыхъ онъ могъ бы справедливѣе обвинить меня; хотя они скрыты отъ него, но извѣстны мнѣ. Итакъ, постараюсь исправиться; иначе онъ, узнавъ ихъ, можетъ напасть на меня съ болѣе беззащитной стороны, найти болѣе вѣрное основаніе къ своимъ обвиненіямъ и дѣйствительно запятнать мою репутацію.“

Много правды и здравомыслія въ поговоркѣ стойковъ: „что не самыя вещи, а мнѣнія наши о нихъ разстраиваютъ насъ и вредятъ намъ,“ хотя стойки можетъ быть вдавались и въ крайности.

Но какъ мы видѣли выше, (въ 1-й части въ главѣ 14-й), что самопознание научаетъ человѣка управлять мыслями, помогаетъ разгонять всѣ безпокойныя, мучительныя и бесполезныя мысли и сохранять спокойствіе въ сердцѣ, то стоить только испытать это надъ собою, и ты увидишь, что и малая рѣшимость преодолеваетъ большую часть затрудненій.

Во 2-хъ. „Познание самого себя оказываетъ душѣ ту же пользу какъ балластъ кораблю.“ Самопознание укрощаетъ стремительность страстей, отдастъ кормило управленія разуму, утишаетъ возникающую бурю прежде кораблекрушенія совѣсти и научаетъ оставлять распрю прежде ея разгара. (*Притч. XVII. 14*). Имѣй въ виду, что гораздо безопаснѣе держать льва на цѣпи, нежели вступать съ нимъ въ борьбу въ его полной силѣ и ярости. Такъ поступаетъ благоразумный человѣкъ, для своего спокойствія, со страстями другихъ и съ своими собственными.

Самопознание, знакомя человѣка съ его слабостями и дурными свойствами, будетъ остерегать его отъ нихъ и послужить счастливымъ перевѣсомъ противъ ошибокъ и увлеченій темперамента.

Въ 3-хъ. „Познание самого себя содержитъ духъ въ тишинѣ и спокойствіи даже при неожиданномъ

полученіи печальныхъ извѣстій, или при испытаніяхъ, посылаемыхъ Провидѣніемъ.“ „Не Божіе ли „я созданіе и жизнь моя и всѣ утѣшенія мои не „состоятъ ли совершенно во власти Того, отъ „кого я получилъ ихъ, по чьей любви я такъ долго „ими пользовался? Не Онъ ли еще милуетъ меня „и по благодати своей оставляетъ мнѣ еще многое?

„Язычникъ (Эпиктетъ, Энхир. гл. XI) можетъ „научить меня: какъ, при лишеніи друзей, состоянія и удовольствій, направлять взоры къ Богу. „Его рука одолжила мнѣ ихъ на время, и теперь „требуется назадъ. Не говори, совѣтуетъ онъ, что „ты *лишился* благодати, но говори, что ты *возвратилъ* „ихъ. И хотя бы мнѣ казалось, что меня лишаютъ „чего либо несправедливо, однако я долженъ „признавать въ томъ дѣйствіе руки Божіей. Что „мнѣ нужды до того, какимъ образомъ беретъ „отъ меня свои блага Тотъ, кто даровалъ мнѣ ихъ?“

Человѣкъ, хорошо познавшій себя, будетъ каждый день жизни проводить въ преданности Богу, милостивому подателю благодати, покоряясь Ему и въ отношеніи болѣе или менѣе продолжительнаго обладанія ими. Онъ познаетъ изъ источника, несравненно высшаго нежели авторитетъ человѣческій, что онъ не имѣетъ ничего, что могъ бы назвать своимъ собственнымъ и не можетъ полагаться ни на что, какъ на свое, будучи только управителемъ, завѣдывающимъ имуществомъ подобно приказаніямъ своего господина, отъ воли котораго зависѣло ихъ ввѣрить, или не ввѣрить

ему, и которому во всякое время онъ долженъ быть готовымъ охотно возвратить ихъ *Луки. XVI. 1, 2*: „Сказалъ же къ ученикамъ своимъ: нѣкоторый человѣкъ былъ богатъ, и имѣлъ управителя, на котораго было донесено ему, что расточаетъ имѣніе его. И призвавъ его, сказалъ ему: что это я слышу о тебѣ? Дай отчетъ въ управленіе свое: ибо ты не можешь болѣе управлять“.

4) „Самопознаніе поможетъ человѣку сохранять ровное расположеніе духа и владѣть собою при всѣхъ превратностяхъ счастья и несчастья.“ И то и другое сопряжено съ искушеніями своего рода; для однихъ несравненно опаснѣе искушенія счастья, для другихъ сильнѣе искушенія въ несчастіи. Самопознаніе покажетъ человѣку, которыя изъ нихъ для него опаснѣе и, предохраняя отъ нихъ, оно научитъ его и вооружаться противу ихъ такъ, чтобы ничто не могло лишить его постоянства и самообладанія, или довести его до такихъ дѣйствій, которыя неприличны человѣку и христіанину.

Обыкновенно говорятъ, что никто, прежде испытанія, не знаетъ, что можетъ онъ вынести; и многіе на самомъ дѣлѣ подтверждаютъ истину этого замѣчанія тѣмъ, что переносятъ несчастія гораздо легче, нежели думали изъ боязливости; бываетъ даже, что опасеніе приближающейся бѣды причиняетъ человѣку болѣе мученія, нежели самая бѣда. Это происходитъ отъ неопытности и незнанія себя.

Человѣкъ, знающій себя, свои силы и слабости,

не столь подверженъ меланхолическимъ предчувствіямъ воображенія какъ другіе, и ежели такія мысли смущаютъ его, то онъ обращаетъ и ихъ въ свою пользу, извлекая изъ нихъ предосторожность, ободреніе и приготовленіе себя къ наступающему нащастію. Въ совершенномъ упованіи на силу, премудрость и благость Того, Кто свѣше располагаетъ всѣми обстоятельствами, онъ спокоенъ и не мучится заботою о томъ, какъ велико будетъ несчастіе, сколько оно продолжится и чѣмъ кончится?

Такое господство надъ самимъ собою есть слѣдствіе и важное преимущество познанія самого себя.

ГЛАВА II.

Самопознаніе ведетъ къ благоразумнымъ и основательнымъ поступкамъ.

„Самопознаніе сохраняетъ мирное и спокойное расположеніе духа, дѣлаетъ человѣка мудрымъ и осторожнымъ въ поведеніи.“

Опрометчивые и необдуманые поступки всегда бываютъ слѣдствіемъ безпорядочныхъ и неосновательныхъ мыслей: поэтому, когда, при вліяніи самопознанія, мысли успокоятся и сдѣлаются постояннѣе и разумнѣе, то таково же будетъ и поведеніе.

Самопознаніе научить тому ровному, основательному и одинаковому обращенію съ людьми, которое столь нужно для успѣшнаго отправленія дѣлъ званія и для предотвращенія многихъ горькихъ опытовъ и смущеній, которые происходятъ отъ неудачъ при выполненіи незрѣлыхъ, или незрѣло обдуманныхъ намѣреній.

Коротко сказать: бѣдшую часть непріятностей, встрѣчающихся съ человѣкомъ, можно приписы-

вать этому источнику и объяснить недостаткомъ въ самопознаніи. Жалуемся на Провидѣніе, жалуемся на людей; но, по изслѣдованіи, всегда открывается, что мы сами виноваты. Неосторожность наша, происходящая отъ незнанія самихъ себя, или навлекаетъ намъ непріятности, или увеличиваетъ ихъ. Недостатокъ въ спокойствіи духа и въ благоразумномъ поведеніи всегда удвоить всякое огорченіе. Какая цѣль затрудненій возникаетъ иногда вслѣдствіе одного неосторожнаго шага въ поведеніи нашемъ, до котораго доводитъ насъ незнаніе самихъ себя и неразумность! И во всякомъ злѣ, какое вслѣдствіе того съ нами случается, мы должны обвинять самихъ себя.

ГЛАВА III.

Смиреніе — плодъ самопознанія.

„Истинное самопознаніе всегда рождаетъ смиреніе.“

Гордость всегда бываетъ послѣдствіемъ незнанія самого себя. Причина самодовольства и надменности въ людяхъ та, что они не знаютъ своихъ собственныхъ недостатковъ; а почему? Потому что имъ ненавистно наблюденіе надъ собою. Пусть только человѣкъ обратитъ взоры свои внутрь себя, испытывая и познавая собственное сердце, — и онъ скоро увидитъ много причинъ къ тому, чтобы смиряться. Въ Св. Писаніи *Псал. XXXIX. 18.* „Я же бѣденъ и нищъ, но Господь печется о мнѣ. Ты помощь моя и избавитель мой; Боже мой, не замедли“. *Иов. XLIII. 2 — 6.* „Знаю, что Ты всемогущъ, и не воспрещено Тебѣ, что ни помыслишь. Кто сей, дерзнувшій покрывать мракомъ опредѣленіе Совѣта, ничего не разумѣя? Дѣйствительно, чудныя вещи, непостижимыя для меня и недовѣдомыя. По сему отрицаюсь, и приношу

покаяніе въ прахѣ и пеплѣ“. Можно видѣть, каковъ языкъ самопознанія. Подлинно, нищъ я и убогъ! *Псал. XXI. 7:* „Я же червь, а не человекъ, поношеніе у людей и презрѣніе въ народѣ“.

Отчего молодые люди вообще такъ заняты собою, такъ заносчивы и дерзки? Не отъ того ли, что они не посвящали ни времени, ни трудовъ на приобрѣтеніе познанія самихъ себя?

И отъ чего въ престарѣлыхъ людяхъ такъ часто обнаруживается и гордость и упрямство, какъ не отъ того, что они состарѣлись въ невѣдѣніи самихъ себя? И малая степень самопознанія могла бы уже цѣлѣбно дѣйствовать на непомѣрное самодовольство.

„Смирение столько же необходимо для спасенія, сколько самопознаніе необходимо для смиренія.“

Самопознаніе можетъ дѣйствительнымъ образомъ предохранять отъ того самодовольнаго расположенія души, которое слишкомъ легко вкрадывается въ самые лучшіе умы и заражаетъ ихъ, въ особенности у тѣхъ, которые стремятся къ необыкновеннымъ и высокимъ степенямъ благочестія. Тутъ одно самопознаніе можетъ предохранять отъ религіознаго самодовольства, или духовной гордости, непримѣтно вкрадывающейся въ сердце. Безъ основательнаго самопознанія и наблюденія за собою, она заражаетъ духъ и искажаетъ самыя добродѣтели (дѣлая ихъ притворными), прежде нежели мы то примѣтимъ; и такая гордость, усиливаясь мало-по-малу, превращаетъ христіанскій духъ въ фарисейскій.

Еслибы мнѣ позволено было выбрать себѣ долю, то я предпочелъ бы лучше терпѣть лишеніе духовныхъ утѣшеній, нежели избыточествовать въ нихъ съ потерей смиренія. Такъ! Да будетъ кающійся и сокрушенный духъ всегдашнимъ моимъ удѣломъ! Желая быть такимъ любимцемъ Неба, чтобъ никогда не забывать, что я первый изъ грѣшниковъ. Познаніе высокихъ таинствъ христіанской вѣры и восхитительныя созерцанія Бога и будущаго состоянія суть весьма желанныя преимущества, но любовь, которая назидаетъ, предпочтительнѣе высшихъ совершенствъ разума, который кичить. Конечно для насъ гораздо полезнѣе тѣ духовныя преимущества, которыя усиливаютъ нашу скромность, возбуждаютъ осторожность и располагаютъ къ недовѣрію себѣ и къ самоотверженію.

Люди, выше стоящіе предъ очами Божиими, ниже всѣхъ въ своемъ собственномъ мнѣніи: *Псал. XXI. 7:* „Я же червь, а не человекъ, поношеніе у людей и презрѣніе въ народѣ“. Преимущество ихъ состоитъ въ кротости и чистосердечіи, а не въ высокопарности и самохвальствѣ, свойственныхъ ложному благочестію, которое хочетъ, чтобы его замѣчали и любовались имъ. Объ этомъ предметѣ превосходно говорится въ 3-й книгѣ О подражаніи Христу, Ѳомы Кемпійскаго, гл. 7.

ГЛАВА IV.

Любовь къ ближнему есть также плодъ самопознанія.

Самопознаніе много содѣйствуетъ пріобрѣтенію духа любви и кротости. Чѣмъ болѣе человѣкъ узнаётъ свои пороки, тѣмъ болѣе бываетъ расположенъ къ осторожной снисходительности къ ближнему, впавшему въ порокъ. Познаніе самого себя побуждаетъ его быть столь же строгимъ и къ своему поведенію, какъ къ поведенію другихъ, и столь же кротко смотрѣть на ихъ ошибки, какъ и на свои собственные.

Чудная красота, сила и премудрость въ словахъ нашего Спасителя: *Матѡ. VII. 3—5*: „Что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревно въ своемъ глазѣ не чувствуешь? Или какъ скажешь брату своему: дай я выну сучекъ изъ глаза твоего; а вотъ, въ твоемъ глазу бревно? Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ своего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть сучекъ изъ глаза брата твоего.“

Здѣсь показаны вполне 4 слѣдующія истины: 1) Что нѣкоторые гораздо проникательнѣе въ разсужденіи пороковъ и недостатковъ другихъ людей, нежели своихъ собственныхъ и скорѣе замѣтятъ въ чужомъ глазу малѣйшее препятствіе къ ясному зрѣнію, нежели большое въ своемъ собственномъ. 2) Что къ лѣченію и исправленію чужихъ слабостей часто бываютъ ревностнѣе тѣ, которые меньше всѣхъ способны къ исполненію этой обязанности. Бревно въ собственномъ глазу дѣлаетъ ихъ неспособными къ излеченію спицы изъ глаза брата своего. Полуслѣпой человѣкъ никогда не долженъ браться быть окулистомъ. 3) Что охотники заниматься пензурою поведенія другихъ должны бы всегда начинать это занятіе дома, то-есть: съ ближайшаго предмета—съ себя самихъ. 4) Что страсть къ порицанію другихъ есть великое лицемеріе: „Лицемѣръ, вынь прежде“ и проч. Все это есть ничто иное, какъ слѣдствіе жалкаго незнанія себя.

Эту общую слабость человѣческой природы хорошо видѣли язычники, изображая ее такъ: всякій человѣкъ, говорили они, носитъ на себѣ два мѣшка, одинъ передъ собою, а другой за плечами. Въ первый кладетъ чужіе пороки, а во второй свои собственные, такъ что и не видитъ своихъ слабостей, между тѣмъ какъ чужія у него всегда передъ глазами.

Но самопознаніе помогаетъ намъ переворачивать эти мѣшки такъ, чтобы свои пороки имѣть передъ

глазами, а чужіе — за спиной. Это необходимо нужно, иначе мы не можемъ увидѣть своихъ пороковъ такъ, какъ видятъ ихъ другіе.

Нельзя полагать, что другіе будутъ также слѣпы къ нашимъ слабостямъ, какъ мы сами: они всегда ихъ видятъ, хотя бы мы ихъ и не видали. А вообразать, что люди не примѣчаютъ ихъ, столь же безразсудно, какъ вообразать, что другіе не видятъ насъ, когда мы замуримъ себѣ глаза.

ГЛАВА V.

Терпимость—слѣдствіе самопознанія.

„Еще плодомъ самопознанія бываетъ терпимость, или умѣренность въ сужденіи.“

Хотя и трудно представить ее себѣ отдѣльно отъ вышеупомянутыхъ добродѣтелей: смиренія и любви къ ближнему, однако нахожу лучшимъ поговорить о ней особо; потому что я смотрю на нее съ другой стороны и разсматриваю ее въ другомъ отношеніи, именно въ томъ: насколько она предохраняетъ и направляетъ наше сердце во всѣхъ преніяхъ и въ изслѣдованіи спорныхъ предметовъ.

Терпимость, эта великая христіанская добродѣтель, весьма отличается отъ того дурнаго расположенія духа, которое часто скрывается подъ ея личиною и которое нельзя назвать ни холоднымъ, ни теплымъ; потому что оно есть равнодушіе къ истинѣ. Терпимость очень совмѣстна съ правильною и благоразумною ревностію, а равно-

душіе къ истинѣ, состоитъ въ совершенномъ отсутствіи ревности. Терпимость, при ощущеніи всей важности и достоинства Божественныхъ ученій, старается мирно и съ осторожностію защищать ихъ, о чемъ равнодушіе вовсе не заботится. Терпимость чувствуетъ тайное вліяніе Божественнаго ученія, а для равнодушія совсѣмъ чужды его сила и дѣйствіе; — первая въ тишинѣ соболѣзнуетъ горестному упадку живой вѣры, а послѣднее само есть признакъ этого упадка. Кратко сказать: терпимость происходитъ отъ истиннаго познанія, а безчувственное равнодушіе — отъ великаго невѣжества; — первое притомъ есть вѣрный знакъ искренности, а послѣднее — несомнѣнный признакъ лицемерія. Смѣшивать терпимость съ равнодушіемъ — существенно другъ отъ друга различныя, — можетъ только одно грубое невѣжество, невнимательность, или распаленная и безразсудная ревность.

Человѣкъ, познающій себя, легко можетъ различать эти свойства одно отъ другаго. Познаніе человѣческой природы вообще, приобрѣтенное чрезъ внимательное наблюденіе надъ своею собственною, показываетъ ему: какъ нужно держаться середины во всемъ, особенно между этими двумя крайностями: суевѣрною ревностію и безчувственнымъ равнодушіемъ. Онъ не считаетъ нужнымъ спорить обо всемъ, и въ глазахъ его нѣтъ ничего хуже, какъ терять спокойствіе въ преніи. Истина, безъ сомнѣнія, всегда важна; но неумѣренная горячность

и страсть вовсе не могутъ оказать ей услугъ, лишая человѣка способности защищать истину. Чрезъ это онъ подвергаетъ еще болѣшимъ нападеніямъ то, что самъ слишкомъ горячо хочетъ остоять: „Ибо гнѣвъ человѣка не творитъ правды Божіей (Іак. 1, 20)“.

Самопознаніе исцѣляетъ наши напруженныя чувства и очень охлаждаетъ нашъ жаръ при спорахъ о темныхъ и сомнительныхъ предметахъ.

Человѣкъ, знающій себя, столько дорожитъ своимъ временемъ и душевнымъ спокойствіемъ, что не вдается опрометчиво въ пустыя и безплодныя пренія, при которыхъ потеря времени неизбежна, а спокойствіе души подвергается опасности, въ особенности при спорѣ съ человѣкомъ, имѣющимъ злое сердце и ложныя основанія, который больше старается о томъ, чтобы заставить своего соперника замолчать своею наглою самоувѣренностію, темными и пустыми словами, важничаньемъ и рѣзкими выраженіями, нежели убѣдить его основательными доказательствами, и который очевидно споритъ не для защищенія истины, а только чтобы одержать верхъ. При такихъ обстоятельствахъ, мало можно принести пользы и самому лучшему дѣлу; а потому человѣкъ благоразумный и кроткій, знающій человѣческое сердце и самого себя, скорѣе уступить своему сопернику удовольствіе быть мнимымъ побѣдителемъ, нежели рѣшится пускаться въ такой неравный бой.

Поспѣшность и готовность спорить о чемъ бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было есть признакъ самодовольства, несомнѣнно показывающій незнаніе самого себя. Истинная терпимость, которая къ важнымъ предметамъ производитъ гораздо разумную ревность, а къ маловажнымъ равнодушіе, можетъ происходить только отъ истиннаго познанія вещей, основаннаго на познаніи самого себя.

ГЛАВА VI.

Самопознаніе исправляетъ разсудокъ.

„Другое, великое преимущество хорошаго знакомства съ самимъ собою есть то, что оно помогаетъ намъ имѣть лучшее сужденіе о прочихъ предметахъ“.

Хотя самопознаніе не расширяетъ, или не умножаетъ нашихъ природныхъ способностей, но оно руководитъ ими и направляетъ ихъ, ведетъ насъ къ правильному употребленію и примѣненію ихъ и устраняетъ множество препятствій къ надлежащей ихъ дѣятельности. Такими препятствіями бываютъ: гордость, предубѣжденіе и страсть, которыя часто, самымъ жалкимъ образомъ, извращаютъ силы разума.

Тотъ, кто имѣетъ вѣрную мѣрку для своего характера, тѣмъ самымъ способенъ лучше судить и о другихъ предметахъ.

1) Онъ умѣетъ справедливо судить о людяхъ и о природѣ человѣческой, которая почти всегда и во всемъ одна и та же, за исключеніемъ различія

врожденныхъ дарованій, геніальности и усовершенствованія посредствомъ воспитанія и религіи. — Тѣ же страсти и желанія, тѣ же природныя слабости и наклонности во всѣхъ, съ тою разницею, что нѣкоторыя преобладаютъ и обнаруживаются въ однихъ болѣе, нежели въ другихъ, такъ что, если человѣкъ нѣсколько знакомъ съ своими несовершенствами, то это знакомство, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ наблюденіемъ надъ поступками людей, скоро раскроетъ ему и несовершенства другихъ. Оно поможетъ ему безпристрастно видѣть какъ недостатки, такъ и лучшія качества людей, поможетъ гораздо справедливѣе судить о нихъ, нежели когда бы онъ судилъ объ нихъ только по наружности и по впечатлѣнію, производимому ими въ глазахъ міра, (гдѣ часто представляются вещи въ очень ложномъ свѣтѣ) или по народнымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ.

2) Самопознаніе научить насъ столь же вѣрно судить о фактахъ, сколько и о людяхъ; оно выставитъ въ настоящемъ свѣтѣ и вѣрныхъ краскахъ всѣ предметы предъ взоромъ ума, безъ тѣхъ ложныхъ прикрасъ и безъ того наружнаго блеска, въ которыхъ часто представляютъ ихъ наши вымыслы, или рисуеъ наше воображеніе. Оно научитъ насъ судить по здоровому разсудку, а не по воображенію, и обуздывать это послѣднее, столь часто показывающее намъ вещи въ ложномъ видѣ, оставляя въ сердцѣ нашемъ ложныя впечатлѣнія.

3) Самопознаніе также помогаетъ намъ справед-

ливо цѣнить всѣ земныя блага; исправляетъ наши о нихъ понятія и уменьшаетъ то чрезмѣрное уваженіе, которое мы обыкновенно къ нимъ имѣемъ. Дѣйствительно, когда человѣкъ знаетъ самого себя и свое истинное благо, то видитъ: насколько эти земныя блага ему приличны, или неприличны и въ какой степени служатъ къ его истинному благу, или сколько обольстительны и вредны. — Это, а не общее, мірское мнѣніе будетъ его правиломъ для сужденія объ нихъ. Съ помощію самопознанія, онъ совершенно проникнетъ ихъ взоромъ своимъ и увидитъ, что они въ самомъ основаніи и насколько мудрому можно желать ихъ. Причина, почему люди такъ безразсудно преувеличиваютъ ихъ цѣнность есть та, что они довольствуются поверхностнымъ взглядомъ на нихъ и смотрятъ только на внѣшнюю ихъ сторону, съ которой они всего виднѣе и привлекательнѣе. А если бы они заглянули во внутренность ихъ, разобрали бы ихъ существенное достоинство, ихъ обыкновенныя послѣдствія, ихъ направленіе и конецъ, то не были бы расположены преувеличивать ихъ оцѣнку. Человѣкъ, научившійся проникать взоромъ въ самого себя, легко можетъ проникать взоромъ и сущность всѣхъ благъ земныхъ.

ГЛАВА VII.

Самопознаніе ведетъ къ истинному самоотверженію.

„Человѣкъ знающій самого себя, знаетъ: какъ и въ чемъ онъ долженъ отвергаться самого себя“.

Величайшая обязанность самоотверженія, которую столь ясно требуетъ Спаситель нашъ отъ всѣхъ Своихъ послѣдователей, какъ положительно необходимую, была часто неправильно понимаема и употребляема во зло. Многіе добровольно воздерживаются отъ нѣкоторыхъ вещей, и подвергаютъ себя чрезмѣрнымъ строгостямъ. Отъ того они бываютъ иногда слишкомъ строги и въ сужденіи о тѣхъ людяхъ, которые употребляютъ тѣ незначущія вещи, отъ которыхъ они, по опасенію совѣсти, воздерживаются. Еслибы они хотѣли ограничить свое самоотверженіе исполненіемъ ясныхъ и важныхъ правилъ христіанской жизни, свято исполнять тѣ необходимыя обязанности, которыя имъ наиболѣе противны, и рѣшительно избѣгать извѣстныхъ грѣховъ, на которые они болѣе падки: то, подъ руководствомъ Св. Писанія, они вскорѣ

сдѣлались бы основательными, разсудительными и примѣрными христіанами. Еслибы они знали самихъ себя, то легко увидѣли бы, что довольно есть случаевъ и поводовъ къ самоотверженію и что это самоотверженіе сопряжено съ большею строгостію и съ большимъ трудомъ, нежели то, которое они сами на себя налагаютъ.

1) „Самопознаніе поведетъ насъ къ необходимымъ упражненіямъ въ самоотверженіи при исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя наиболѣе противны нашимъ темпераментамъ“.

Нѣтъ никого, кто бы иногда не замѣчалъ въ себѣ большой неохоты и лѣности къ исполненію нѣкоторыхъ обязанностей, хотя и самъ знаетъ, что исполненіе ихъ своевременно и необходимо. Но тогда-то и представляется ему настоящій случай къ самоисправленію, снисходительность къ такой неохотѣ очень опасна и ведетъ къ привычкѣ нерадѣть объ извѣстной его обязанности. Противостоятъ и сопротивляются этому, и понуждаютъ себя къ прилежному и точному исполненію своей обязанности, несмотря на всѣ предлоги и извиненія, внушаемые плотскимъ разумомъ къ оправданію нашего нерадѣнія, это немалый трудъ и подвигъ самоотверженія, но онъ необходимъ для спокойствія совѣсти. А чтобы намъ ободрить себя къ этому опыту самоотверженія, подумаемъ только, что трудность обязанности и неспособность наша къ ней окажутся гораздо меньшими на самомъ дѣлѣ, нежели какъ мы воображаемъ, и удоволь-

ствіе, какое будемъ чувствовать при воспоминаніи, что мы исполнили долгъ совѣсти и показали новый опытъ своей искренности, вознаградить насъ съ избыткомъ за труды и тягость, нами понесенныя: Чѣмъ чаще мы станемъ противиться этимъ порочнымъ наклонностямъ къ произвольному пренебреженію своею обязанностью и побѣждать ихъ, тѣмъ рѣже они будутъ возвращаться, тѣмъ сдѣлаются слабѣе, а наконецъ, при помощи благодати Божіей, совсѣмъ будутъ побѣждены, и мѣсто ихъ заступитъ всегдѣшняя готовность ко всякому добродѣлю (2 Тимов. III, 17): Да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко всякому добродѣлю приготовленъ, неразлучная съ живымъ удовольствіемъ, которое мы будемъ въ томъ находить.—Это гораздо счастливѣйшій результатъ, нежели какого можно ожидать отъ самыхъ строгихъ наружныхъ самоумерщвленій.

2) Человекъ, знающій самого себя, увидитъ скоро необходимость самоотверженія для успѣха въ обузданіи своихъ склонностей къ грѣховнымъ дѣйствіямъ, въ побѣжденіи внутреннихъ мятежниковъ, въ сопротивленіи прельщеніямъ чувствъ и вожделеній, въ призваніи всего благоразумія для избѣжанія случаевъ и искушеній ко грѣху, и всей крѣпости силъ для сопротивленія имъ.

Все это (особенно если это касается нашего любимого грѣха, или наклонности нашего темперамента) будетъ стоить намъ немалаго труда и горькаго умерщвленія: Напримѣръ: если мы должны

преодолѣть сильную страсть, обуздать чувственное пожеланіе, или простить явную обиду, или поруганіе: то очевидно, что такая побѣда надъ самимъ собою не можетъ быть одержана безъ самопознанія и великаго самоотверженія. Приводимое такимъ образомъ въ практику, оно лучше всего обнаружитъ нашу искренность и болѣе послужитъ преуспѣянію и славѣ религіи, нежели величайшая ревность къ тѣмъ особннымъ обязанностямъ, которыя можно исполнять и безъ всякаго насилія своему темпераменту, и болѣе, нежели величайшая строгость въ нѣкоторыхъ особенныхъ самоумерщвленіяхъ, не столь нужныхъ, сколь нужно коренное самоотверженіе, столько намъ противное.

Иные, паря на крыльяхъ пламенной ревности и наблюдая необыкновенную точность и строгость въ незначительныхъ вещахъ, вознеслись, повидимому, на высшую степень благочестія, но при всемъ томъ они, можетъ-быть, не въ состояніи преодолѣть даже одной страсти, обнаруживая незнаніе любимого своего грѣха и пребываніе въ его рабствѣ. По незнанію самихъ себя, они оказываютъ ревность не вовремя, отвергаются себя не въ томъ, въ чемъ должно и, дѣйствуя такимъ неправильнымъ образомъ, помрачаютъ подвиги своего званія.

ГЛАВА VIII.

Чрезъ самопознаніе мы становимся полезнѣе для другихъ.

„Чѣмъ болѣе мы познаемъ самихъ себя, тѣмъ полезнѣе бываемъ въ томъ званіи, въ которое поставило насъ Провидѣніе.“

Познавая свои собственныя дарованія и способности, мы познаемъ: какимъ образомъ можемъ быть полезны для другихъ людей; а разсматривая свое званіе и отношенія свои въ жизни, направляемся къ надлежащему употребленію тѣхъ дарованій. Тогда видимъ и то, для чего именно даны они намъ, и съ какимъ намѣреніемъ должны мы употреблять ихъ и совершенствоваться.

Жалко видѣть, какъ постыдно иные унижаютъ и оскверняютъ свои способности. Тѣми природными дарованіями, которыми они осчастливлены и отличаются отъ многихъ другихъ, они могли бы содѣйствовать преуспѣянію добродѣтели и религіи и приносить особую пользу роду человѣческому; а они ими пренебрегаютъ, или постыднымъ образомъ обращаютъ ихъ во зло, безчестя тѣмъ Бога и вредя ближнимъ, поощряя ихъ къ большей дер-

зости на пути порока и суеты. Ложный блескъ нечестиваго остроумія часто оставляетъ столь глубокія впечатлѣнія на мягкомъ и еще неутвердившемся сердцѣ, что подавляетъ въ немъ начала благоразумія и мудрости и располагаетъ любить то, чѣмъ прежде оно гнушалось. Напротивъ, та же самая сила и яркость необыкновенныхъ способностей могли бы очень успѣшно и полезно обращены быть на посрамленіе нечестія, на осмѣяніе безумія и на обнаженіе всей гнусности порочнаго, развратнаго поведенія.

Если человѣкъ узналъ уже, въ чемъ состоитъ его сила, чѣмъ онъ превосходитъ, или можетъ превзойти другихъ, какъ много онъ на нихъ дѣйствуетъ, въ какое званіе поставило его здѣсь Провидѣніе и какія обязанности его званія: то онъ не можетъ не знать: какія дарованія должно ему совершенствовать, какимъ образомъ и къ какимъ предметамъ долженъ онъ преимущественно направлять ихъ, чтобы исполнять свое званіе съ честію и быть въ немъ истинно полезнымъ. Это дастъ ему постоянство и твердость въ предпріятіяхъ и намѣреніяхъ, ровность въ поведеніи и возможность быть общепользнымъ; тогда онъ не будетъ имѣть ложной пѣли и не ошибется, стремясь къ настоящей, какъ это случается съ тысячами людей оттого, что имъ неизвѣстна эта необходимая часть самопознанія (*См. I части гл. V*).

ГЛАВА IX.

Самопознаніе научаєть поступать во всемъ прилично званію.

„Человѣкъ, знающій самого себя, знаетъ и то, какъ ему слѣдуетъ поступать въ каждомъ положеніи и званіи съ приличіемъ и благоразуміемъ.“

Почти все смѣшное, что видимъ въ мірѣ, происходитъ у людей отъ незнанія самихъ себя; въ этомъ всѣ согласны, такъ что, если кто поступаетъ противно своему званію, о томъ обыкновенно говорятъ; „онъ не зналъ себя.“ Желаніе казаться не тѣмъ, что мы на самомъ дѣлѣ, есть корень всего смѣшнаго, а незнаніе себя есть источникъ такого желанія.

Человѣкъ, не понимающій ни своего званія, ни того, что съ нимъ сообразно, не можетъ дѣйствовать согласно съ требованіями этого званія. Часто берется онъ за то, что совсѣмъ не относится къ его обязанности и поступаетъ либо выше, либо ниже своего уровня, а потому, въ обоихъ случаяхъ, бываетъ смѣшонъ въ глазахъ знающихъ его.

Человѣкъ высокаго званія и достоинства, понимающій самого себя, знаетъ, что онъ не выше человека, и подверженъ тѣмъ же болѣзнямъ, слабостямъ, обманамъ, огорченіямъ, страстямъ и заботамъ, какъ и другіе люди; что истинная честь состоитъ въ

томъ, въ чемъ и послѣдній простолюдинъ можетъ превзойти его, а потому онъ и остерегается суетной напыщенности. Онъ знаетъ, что только проходящія и случайныя вещи возвышаютъ его предъ другими людьми, и что онъ скоро сравняется съ ними, а потому научается быть снисходительнымъ, а въ этой снисходительности есть особое достоинство: она не только не унижаетъ, но возвышаетъ его честь и званіе.

Человѣкъ низшаго званія, понимающій самого себя, научается быть въ своемъ состояніи довольнымъ, спокойнымъ и благодарнымъ. Не имѣя чрезмѣрнаго уваженія и пристрастія къ наружнымъ вещамъ, которыя такъ возвышаютъ состояніе одного человека предъ состояніемъ другаго, онъ не считаетъ себя хуже или ниже другихъ отъ того только, что не имѣетъ такихъ же вещей и не завидуетъ имѣющимъ. Не имѣя ихъ преимуществъ, онъ не имѣетъ и ихъ искушеній; оставаясь въ томъ состояніи, которое Высшій судія и распорядитель всѣхъ благъ ему назначилъ; онъ доволенъ своимъ жребіемъ. Но какъ слѣдуетъ оказывать уваженіе и къ наружному превосходству, то онъ знаетъ, оказывая надлежащее почтеніе къ высшимъ себя безъ гнусаго и подлаго раболѣпства, которое обнаружило бы неумѣнье отдать должное высшему званію. Не преувеличивая своего уваженія къ людямъ за ихъ малыя и случайныя преимущества, онъ и самого себя не цѣнитъ выше мѣры за то, въ чемъ предъ другими имѣетъ превосходство.

Еслибы слушатели хорошо себя знали, то не брались бы диктовать учащимъ: какимъ образомъ они должны наставлять ихъ, что, по замѣчанію блаженнаго Августина, похоже на то, еслибы больной, призвавъ къ себѣ врача, хотѣлъ ему предписывать, чѣмъ онъ долженъ лѣчить его: напротивъ того, услышавъ что-нибудь не совсѣмъ согласное съ прежними чувствами, они прочли бы прилежнѣе Св. Писаніе, и спрашивались бы въ немъ „точно ли это такъ.“ *Дьян. XVII, II.* „Здѣшнія были благомысленнѣе Фессалоникскихъ: они приняли слово со всѣмъ усердіемъ, ежедневно разбирая писанія, точно ли это такъ“. Равнымъ образомъ, еслибы и духовные учителя знали самихъ себя, то старались бы лучше познавать существо и обязанности своего сана и недостатки и слабости своихъ слушателей, нежели господствовать надъ ихъ вѣрою, и менѣе искать своей извѣстности, нежели пользы слушающихъ; болѣе думать объ назиданіи, нежели о похвалахъ, и подобно хорошимъ медикамъ, настойчиво старались бы о благѣ пользующихъ, хотя бы и не совсѣмъ пріятными средствами. Они лучше бы рѣшались подвергнуться нареканію людей слабыхъ и толкующихъ все въ дурную сторону, нежели молчать о томъ, что для нихъ нужно, и поступать противъ Бога и своей совѣсти. Самая пріятная для вкуса пища не всегда бываетъ самая здоровая. Больные не должны думать, что имъ всегда будутъ угождать, а врачи не должны надѣяться, что ихъ всегда будутъ хвалить.

ГЛАВА X.

Благочестіе есть плодъ самопознанія.

„Самопознаніе усиливаетъ въ насъ ревность къ истинному благочестію.“

Невѣжество никакъ не можетъ быть матерью благочестія, напротивъ оно очень пагубно для него. Но какое невѣжество не можетъ быть вреднѣе невѣденія самого себя. Дѣйствительно, оно легко можетъ соединяться съ суевѣріемъ, ханжествомъ и фанатизмомъ, обыкновенными подобіями благочестія, въ чемъ нерѣдко и ошибаются слабые и легковѣрные умы. Истинное благочестіе и существенное Богопочтеніе могутъ происходить только изъ настоящаго познанія Бога и самихъ себя, изъ познанія нашихъ обязанностей къ Нему и отъ нашего на Него упованія.

Взирая на себя, какъ на созданія Божіи, которымъ Онъ даровалъ бытіе для славы Своей, и которыя не способны ни къ какому другому блаженству, кромѣ происходящаго отъ Его благодати, если мы всего ожидаемъ совершенно и постоянно отъ Него, если мы носимъ эту мысль въ душѣ: — то можетъ ли что-нибудь сильнѣе привлекать и побуждать насъ любить Его, бояться Его и уповать на Него, какъ на Бога, Отца нашего и Всемогущаго друга и помощника?

ГЛАВА XI.

Самопознание научает насъ правильному исполненію обязанностей религіи.

„Самопознание будетъ намъ очень полезно въ нашихъ религіозныхъ обязанностяхъ и христіанскихъ упражненіяхъ“.

1) Въ обязанности молиться, научая насъ: о чемъ и какъ молиться. Кто хорошо знаетъ самого себя, тотъ будетъ хорошо чувствовать духовную нищету свою и потому знать нужды свои и то, о чемъ молиться. Наши сердца были бы самыми лучшими молитвенными книгами, если бы мы только умѣли хорошо читать ихъ. Почему люди прибѣгаютъ при смерти своей къ молитвѣ и просятъ, чтобы и другіе съ ними помолились, какъ не потому, что они начинаютъ лучше познавать самихъ себя. Если бы они и во время жизни своей захотѣли внимать слову Божію и голосу совѣсти, то не были бы нѣмы. Но кто отъ рожденія глухъ, тотъ всегда бываетъ и нѣмъ.

Далѣе: „Самопознание научаетъ насъ не только легко высказывать свои нужды въ молитвѣ, но и

пламенно молиться“. Оно поможетъ намъ пребывать въ присутствіи Божіемъ не только словомъ, но и сердцемъ, слѣдовательно умножить благодать и самый даръ молитвы. Если бы мы внимательно размышляли: кто мы, къ чему приступаемъ, кому молимся и о чемъ молимся, то невозможно, чтобы мы оставались такъ мертвы, лишены духа и только формальны въ исполненіи молитвенной обязанности, какъ это бываетъ съ нами. Одна мысль о томъ вдохнула бы въ насъ жизнь, вѣру и горячность любви.

2) „Самопознание будетъ очень полезно намъ въ исполненіи обязанности благодаренія“. Оно дастъ намъ видѣть, какія милости, получаемъ мы, и какъ своевременны и приспособлены къ нуждамъ нашимъ дары Божіи. Человѣкъ, познающій себя, разсматриваетъ какъ то, что онъ имѣетъ, такъ и то, чего не имѣетъ, онъ чувствуетъ вмѣстѣ и достоинство даровъ Божіихъ и свое недостойнство, а чрезъ то становится благодарнымъ. По этой то причинѣ сердце христіанина совершенно растаеваешь отъ благодарности за такія милости Божіи, которыхъ другіе не уважаютъ, не цѣнятъ ихъ, можетъ-быть, и совсѣмъ презираютъ ихъ, потому только, что не видятъ въ нихъ того, что почитается ими за великое. Но человѣкъ, познающій самого себя, знаетъ также, что онъ вовсе ничего не заслуживаетъ, и бываетъ за все благодаренъ, потому что благодарность также естественно истекаетъ отъ смиренія, какъ смиреніе есть плодъ самопознанія.

3) „Въ обязанности нашей читать и слушать Слово Божіе самопознаніе чрезвычайно полезно, дѣлая насъ способными понимать и примѣнять къ себѣ то, что мы читаемъ“.

Чѣмъ лучше знали бы мы свое сердце, тѣмъ лучше разумѣли бы Слово Божіе; потому что оно говорить сердцу. Человѣкъ, знакомый съ своимъ сердцемъ, легко увидитъ, какъ глубоко проникаетъ Слово Божіе въ самые внутренніе изгибы сердца, все въ немъ изслѣдываетъ, испытуетъ и открываетъ. Онъ чувствуетъ то, что читаетъ, и находитъ животворящій духъ въ томъ, что для незнающаго самого себя остается мертвою буквою.

Сверхъ того, самопознаніе научаетъ человѣка примѣнять къ себѣ и къ дѣлу то, что онъ или слышитъ, или читаетъ въ Словѣ Божіемъ: онъ видитъ, что именно соотвѣтственно, прилично и сообразно въ читаемомъ съ его собственнымъ состояніемъ, и вѣрно соблюдаетъ въ хранилищѣ своего сердца, чтобы переваривать и усиливать это чрезъ дальнѣйшія свои размышленія. Тогда-то ощущается вся благотворность св. Писанія, и человѣкъ научается примѣнять его къ себѣ, неунынно возбуждая совѣсть свою Божіими поученіями и увѣщаніями.

4) Ничто столь не полезно, какъ самопознаніе при важной обязанности нашей размышлять объ истинѣ, особенно при обращеніи къ самимъ себѣ. Человѣкъ, незнакомый самому себѣ, столько же неспособенъ бесѣдовать съ собою, какъ и съ та-

кимъ человѣкомъ, котораго онъ прежде никогда не видалъ и котораго характеръ и вкусъ совершенно ему неизвѣстны. Онъ не знаетъ, какъ собрать мысли свои, а если и соберетъ, то не знаетъ какъ ихъ привести въ порядокъ и сохранить въ связи, и они также мало повинуются ему, какъ не хорошо дисциплинированное войско такому полководцу, который не обучилъ его повиновенію и порядку. Но кто поставилъ себѣ задачею въ жизни познать самого себя, тотъ скоро получаетъ охоту свободно и откровенно бесѣдовать съ своимъ сердцемъ и чрезъ такое единобесѣдованіе больше возрастаетъ въ истинной мудрости и болѣе приобрѣтаетъ полезнаго и существеннаго познанія, нежели сколько могъ бы почерпнуть изъ самой лучшей, самой образованной свѣтской бесѣды.

ГЛАВА XII.

Самопознание есть самое лучшее приготовление къ смерти.

Самопознание может служить постоянным приготовлением къ смерти и предохраняет отъ ея внезапности; потому что даетъ основаніе и утвержденіе надеждъ нашей на будущее блаженство. Мысли о смерти потому такъ ужасаютъ душу, что ей вовсе неизвѣстно: что съ нею будетъ по смерти. Когда эта неизвѣстность разсѣвается, то является множество причинъ, примиряющихъ насъ съ мыслию о смерти. Самопознание достаточно разгоняетъ мракъ устрашающихъ сомнѣній; потому что Слово Божіе открываетъ намъ всю достовѣрность будущаго состоянія, того блаженства, — въ которое добродѣтельные люди войдутъ по смерти своей, и ясно показываетъ всѣ требуемыя для того условія, или качества. Когда благочестивый человѣкъ, при помощи долговременнаго и дѣятельнаго самопознанія, начинаетъ ощущать въ себѣ эти качества, то надежда на жизнь небесную скоро ставитъ его выше страха смерти; и хотя онъ не

въ состояніи чисто и ясно постигнуть всю сущность будущаго блаженства, но онъ вполне удостовѣренъ, что оно будетъ неизреченно высоко, сладостно и, однимъ словомъ, будетъ заключать въ себѣ все нужное для совершенной полноты счастья, потому что оно истекаетъ непосредственно отъ Самого Бога. Напротивъ тѣхъ, которые не знаютъ: что такое они теперь? неминуемо остаются въ совершенномъ невѣденіи и о томъ, чѣмъ они будутъ. Человѣкъ, который въ себѣ самомъ есть только тьма, не можетъ и въ будущемъ видѣть ничего, кромѣ тьмы.

О! чего бы не далъ человѣкъ за то, чтобы имѣть при смерти своей живую надежду на блаженство! Читатель! Хочешь ли получить ее? — познавай Бога, познавай самого себя.